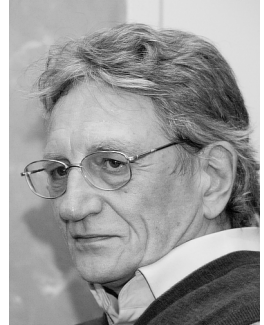

ДМИТРИЙ ИВАШИНЦОВ

Главный редактор альманаха «Русский миръ»

Родился в 1944 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский политехнический институт им. Калинина. Более сорока лет работает во Всероссийском научно-исследовательском институте гидротехники им. Б. Е. Веденеева; с 1992 по 2003 год был директором института. Доктор технических наук. В 2000 году организовал и с тех пор возглавляет «Международную ассоциацию «Русская культура». Профессор кафедры ЮНЕСКО СПб РИК по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога, заслуженный деятель науки РФ. Действительный член ряда общественных академий, член экспертного совета ВАК РФ (1999–2002), председатель Российского национального комитета международной ассоциации гидравликов (МАГИ). Один из основных организаторов международной конференции «Российская наука на пороге XXI века» (СПб., 1998), международного форума русской интеллигенции «Культура и общество: взаимные обязательства на пороге нового тысячелетия» (СПб., 2000) и международных конференций «Русский миръ — проблемы и перспективы» (СПб., 2002, 2004). Поэт. Опубликовано две книги стихов: в 1995 году «Последняя цена» (под псевдонимом «Д. Волоцкой») и в 2005 г. — «Там, где кончается завтра». В 2008 году начал издавать альманах «Русский миръ».

МЕРЦАНИЕ ГОНГА...

Начну, пожалуй, со стихотворения, написанного в 2000 году:

Я хочу рассказать про разомкнутый мир
недотрог, тех змеящихся слухов о не-
бытии человека. Я хочу обмакнуть свои руки
в прохладный поток совершенной любви
до скончания века. Ни прощенья, ни боли...
одна голубая вода или лес, уходящий за грань
горизонта. Это будет со мною и там,
где поют провода, где беспечная светит звезда,
где мерцание гонга.

Я хочу безразличья. Так камень веками молчит,
разрушаясь на мелкие капельки кварца. Я хочу
обезличить себя... Позабыть, и забит
дом последней любви папарацци.

Парадоксальность наших взаимоотношений заключается в невозможности передать другому истинное содержание своего понимания мира да и вообще всего значимого. Внутренний код мышления не раскрывается фразой и даже не фиксируется разумом внутри нашего собственного сознания. Мне всегда было проще объяснить свои взгляды и эмоции стихами, ритмом и музыкой которых самоорганизовывалось пространство текста и аморфное сознание сжималось до афоризма.

Несколько слов о странном сочетании статьи и стихов. Редакция альманаха продолжает исследование уже заявленных рубрик. Так в предыдущих выпусках мы помещали стихи в контекст воспоминаний или параллельных экзистенций других авторов, резонирующих с авторским текстом поэта. Нынешняя попытка даёт возможность проследить параллельные пути логического и интуитивного освоения мира. Не стоит искать взаимное объяснение предъявленных текстов. Скорее их взаимосвязь подобна мерцанию колеблющегося гонга.

Попробуем всё же понять друг друга.

Прежде всего я убеждён, что мёртвой материи не существует. Вся материя — живая.

Принятое нынче деление на живую и мёртвую материю проистекает, с одной стороны, из огромной временной разницы жизненных циклов отдельных её видов.

С другой — разные формы материи обладают разным (на порядки) объёмом «свободной воли». Именно последнее резко выделяет человека.

Однако темпоральная разница эволюционных процессов и объём свободной воли не отменяют всеобщего взаимодействия и взаимовлияния.

В традиционных культурах и древних цивилизациях принципы такого взаимовлияния хорошо «проработаны» и закреплены в формах мифологий.

В современном понимании об этом говорит так называемый «антропный принцип», согласно которому фундаментальные физические параметры имеют именно те величины, которые позволяют возникнуть органической материи.

По-моему, «антропный принцип» должен включать в себя и этическую составляющую. Жизнь может сохраняться и развиваться только в гуманоидных — то есть этически организованных — сообществах. Законы этики являются не выдумкой человечества, а одной из фундаментальных основ Мироздания.

Технологическое воздействие человека на окружающую среду достаточно подробно исследуется экологами. В меньшей мере мы задумываемся о нашем влиянии на интеллектуально-духовную составляющую ноосферы. С этой позиции борьба «добра» и «зла» утрачивает своё абстрактно морализаторское значение. Ноосфера чутко реагирует на концентрацию «зла».

Человечество, обретая всё большую технологическую и биоэнергетическую мощь, оказывает чувствительное воздействие на ноосферу. К сожа-

лению, и то и другое не несёт положительного заряда. Суммарное воздействие этих факторов приводит к:

глобальному изменению климата,
 истощению природных ресурсов,
 стремительному сокращению биообразнообразия,
 ухудшению генофонда практически всех этносов,
 интеллектуальной деградации,
 нарастанию разрыва физических и гуманитарных технологий,
 дегуманизации ноосферы.

Известный математик и философ Никита Николаевич Моисеев в монографии «Расставание с простотой» справедливо отмечает: «Сохраняются, а затем передают эстафету развития такие формы организации живого вещества, которые, обладая стабильностью и формируя свою экологическую нишу, не становятся в ней монополистами и не теряют стимулов к совершенствованию».

Наши взаимоотношения с Природой развивались без учёта этого требования коэволюции (коэволюция — совместная эволюция видов, взаимодействующих в экосистеме) и подошли к той критической черте, когда Общество не может оставаться безучастным к процессам, таящим грозную опасность самому существованию вида *Homo Sapiens*.

Как это ни парадоксально звучит, но для сохранения Человека требуется сознательный переход на новую ветвь эволюции: с одной стороны, обеспечивающую доминирующее положение обновлённого Человека (*Homo Universum*) как основного фактора самоорганизации ноосферы, с другой стороны — позволяющую снизить «давление» человечества на Природу.

Характеризовать ещё не состоявшийся вид Человека будущего — дело неблагодарное. Любой прогноз может быть подвергнут серьёзной и вполне обоснованной критике. Поэтому я ограничусь самыми общими соображениями, которые заключаются в следующем:

- приобщение Человека к Космосу, к Вселенной, к Универсуму возможно только тогда, когда ему не потребуется для нахождения в их пределах создания вокруг себя оболочки, обеспечивающей его существование в узкой зоне, отпущенной нам Природой;
- переход к восприятию многомерного мира, а тем более существование в нём, требует перестройки всего человеческого организма.

Эволюционные ресурсы *Homo Sapiens* в том его виде, который берёт начало от человека из Кро-Маньона, исчерпаны, что достаточно наглядно видно из анализа двух основных параметров эволюции живого в её сегодняшнем понимании.

Первый из них может быть охарактеризован как энергетическая мера эволюционного прогресса. Формулировка её была впервые дана в 1920–

1930-х годах русским биологом академиком А. Н. Северцовым. Из этих оценок уже в наше время родилась теория, согласно которой в ходе прогрессивной эволюции происходит усиление энергетического обмена животных, измеряемого по скорости потребления кислорода. Пределом эволюционного ресурса по этому показателю для живого является так называемый «тепловой барьер» (примерно 40–41°C), при переходе которого происходит свёртывание ряда белков. Человек сумел преодолеть этот барьер, включив в свой «рацион» энергетические ресурсы Земли. Ограничителем этого ресурса теперь является учёт требований ноосферной экологии, которая занимается проблемами связи эволюции человеческой цивилизации с биосферой. Одним из стоп-сигналов выступает стремительное изменение климата.

Второй параметр — это способность хранения и переработки информации. В монографии «Возникновение и развитие цивилизаций. (Энергетический подход)» её авторы А. И. Зотин и А. А. Зотин выделяют три формы информации: генетическая информация; информация в нервной системе и в головном мозге; экstrasоматическая информация, хранящаяся вне организма (в записях, книгах и т. д.). Каждая из поименованных форм имеет свой предел, после достижения которого эволюция в процессе произвольных мутаций находит путь преодоления ограничений. Характерным эпизодом в процессе развития генетической и нейронной информационной ёмкости является появление земноводных, у которых количество информации, хранящейся в нервной системе и в головном мозге, становится сравнимым с количеством генетической информации. Дальнейшее усложнение живых организмов приводит к появлению человека, располагающего 1013 битами информации в головном мозге и нервной системе против 1010 бит генетической информации.

Следующее звено этой цепи — экstrasоматическое — способно существенно превзойти (и уже превзошло) объём, доступный человеку.

Здесь мне придётся коснуться такого понятия, как технологическая сингулярность. Этот термин предложен математиком и писателем Верноном Винджем. В первом приближении он означает точку на временной шкале, при достижении которой на Земле появится искусственный интеллект (ИИ), превышающий человеческий. На этот счёт есть много противоречивых мнений, однако я не исключаю реальность самосборки такого устройства, которое сможет осознать себя как личность.

Если принять предположение о параллельном течении разномасштабных по шкале времени эволюций, то картина мира, к которой мы продвигаемся, может быть совершенно другой, чем представлялось нам ранее. Эволюционные ресурсы наращиваемых информационно-коммуникативных систем, супергравитационного поля, геоморфологических и космологических метасистем могут реализоваться в доминирующую ветвь эволюции.

Каковы же будут последствия научного прорыва и появления сверхчеловеческого разума? Вернон Виндж остроумно сопоставляет грядущую ситуацию с нашим эволюционным прошлым: «Животные могут приспособиться и проявлять изобретательность, но скорость эволюции ограничена естественным отбором. В случае естественного отбора мир сам выступает в роли собственного симулятора. Мы с вами обладаем способностью усваивать окружающий мир и выстраивать у себя в голове причинно-следственные связи, поэтому мы решаем многие проблемы в тысячи раз быстрее, чем механизм естественного отбора. Когда же появится возможность просчитывать эти модели с более высокими скоростями, мы войдём в режим, который отличается от нашего человеческого прошлого не менее радикально, чем мы, люди, сами отличаемся от низших животных».

Изменения будут развиваться по экспоненте, без всякой надежды на восстановление контроля над ситуацией. Именно это событие Виндж назвал Сингулярностью и определил ее так: «Это точка, в которой наши старые модели придётся отбросить, воцарится новая реальность. Это мир, очертания которого будут становиться всё четче, надвигаясь на современное человечество, пока эта новая реальность не заслонит собой окружающую действительность, став обыденностью. И всё же когда мы такой точки наконец достигнем, это событие всё равно станет великой неожиданностью и ещё большей неизвестностью».

Обладая разумом и свободой воли, мы должны заранее спрогнозировать различные сценарии эволюции, найти своё место в новом мире и попытаться включить последние достижения генетики, биотехнологий, нанотехнологий и кибернетики в наращивание своего эволюционного ресурса.

Реальность создания ИИ заставляет нас думать не только о возможных последствиях этого события, но, в большей мере, о путях предупреждения катастрофических для человека изменений в ходе эволюции земной ноосферы. Фундаментом, который поможет нам устоять на ногах, должна стать новая система образования, ориентированная на подготовку детей к жизни в реальном будущем, а не в продолженном настоящем. Сегодняшняя образовательная система пытается консервировать ситуацию, чем, с одной стороны, делает нас невосприимчивыми к приближению технологической сингулярности, с другой — закладывает потенциал «шока будущим».

Постойте! А как же быть с молчанием камня?

Запад и Восток...

Подглядывание и Созерцание...

По какой дороге двигаться? В какой системе координат?

Эффект «папарацци» — движущая сила прогресса западного толка. Выхватывание фрагментов — иногда масштабных, иногда микроскопических. Стремительное движение по реке времени. Некогда осмыслить происходящее. Надо дело делать!

Почувствуй, вот моя рука —
 маяк во тьме ночной.
 Мы пульс столетий ощутим,
 влекомые толпой.
 Слепцы! Нам палка — поводырь.
 Ладони чувств протрём до дыр,
 мы слепы, но дружны.
 Сожмём друг друга крепче,
 чтобы спаялись плечи,
 и будет нам дорога легка.
 Скорей!!! Мы мир наполним
 плодами горького труда.
 ...Лишь превратившись в вещи,
 переживём мы вечность.
 Круг замкнут, но всегда
 есть впереди спина.
 Догнать её! Догнать!!!
 В нас жизнь ещё сильна.
 Слепцы. Нам палка — поводырь.
 Сомкнём скорее строй.
 Плечом к плечу, легко в пути...
 Вперёд. Вперёд! Вперёд!!!

На уровне коллективного бессознательного эффект «папарацци» превращается в непрерывное телевизионное реалити-шоу. Мы познаём Мирь и друг друга как внешние наблюдатели. Классический Восток, не перемешанный ещё с Западом, — это созерцание. Время проходит сквозь сущность. Высшее достижение — нирвана. Полное слияние с природой и вечностью. Соединение двух начал, не хаотическое перемешивание, а продуманное соединение достигалось немногими. Созерцание должно предшествовать действию.

С сожалением следует отметить общую неготовность философии, да и не только её, к осмыслению, даже в рамках человеческого измерения, основополагающих характеристик разума, интеллекта, души. Тем более в соотнесении их с ИИ. Однако это слишком широкое поле проблем для данной статьи.

В указанном контексте для нас важны нравственно-этические аспекты эволюции человека, которые не могут быть заданы извне, но должны порождаться внутренней логикой развития человеческого общества. В то же время именно от возможности формализации нравственно-этического ядра человека во многом зависит наша дальнейшая судьба, так как только включение в программное ядро ИИ неизменяемого блока человеческой этики позволит мирно сосуществовать современному человеку и ИИ. В противном случае необходимо направить усилия на такую

модернизацию человека, которая позволит ему на равных конкурировать со своим детищем.

Мы должны осознать себя неотъемлемой и равной другим частицей мироздания. Коэволюция — это совместная эволюция мира техники, человека и Земли, включая ближний космос. В своих научных статьях «Теория интеллектуально-духовного континуума», «За пределами эволюции Homo Sapiens», «Технологическая сингулярность и культура» я подробно останавливался на технологической и духовной составляющей нашего взаимодействия с ноосферой. Сейчас мне хотелось бы поговорить ещё об одном аспекте интеллектуально-духовного взаимодействия человека и ноосферы — об этнокультурных мирах.

Современность предлагает нам разнонаправленные тренды этнокультурных процессов, которые формируют зоны повышенной напряженности.

Один из таких трендов американский политолог Д. Хелд определил как отрицание национального государства в глобализованном мире.

Второй имеет диаметрально противоположное направление, хотя косвенно является следствием первого. Он заключается в растущем стремлении малых народов к самоопределению, что в рамках существующих государств приводит к сепаратизму.

Третий — до последнего времени не слишком очевидный — связан с появлением больших диаспоральных сообществ, не стремящихся к интеграции с национальной культурой государств, в рамках которых они существуют.

Данные, опубликованные на сайте ООН, однозначно говорят о значительном преобладании на протяжении последних шестидесяти лет числа ведущихся гражданских войн над числом межгосударственных войн. При этом подавляющая часть из них велась и ведётся на межнациональной и религиозной основах. Нахождение адекватных подходов к решению межэтнических проблем является одной из важнейших задач современности.

Чаще всего усилия властей и общества сводятся к двум следующим вариантам:

- либо усиленная ассимиляция мигрантов и меньшинств;
- либо неограниченный мультикультурализм.

И тот и другой подход имеют массу недостатков, которые ярко проявились в целом ряде стран. В последнее время миграционные процессы усиливаются.

В связи с этим заслуживает внимания меморандум «Различие внутри единства», первоначальный вариант которого был написан в 2001 году профессором университета Дж. Вашингтона Аматаи Этциони.

Суть документа выражается в следующих четырёх принципах:

- все члены определённого общества придерживаются тех основных ценностей и сохраняют верность тем общественным структурам, которые рассматриваются как базовые, общие для всех, как остов этого общества;

— любая группа внутри общества свободно может принадлежать к собственной субкультуре — в случае если её политика, обычаи и структуры не вступают в конфликт с общим для всех групп ядром;

— различие внутри единства позволяет полностью обеспечить соблюдение основных прав, демократический способ жизни, сохранить как основополагающие ценности, так и те ценности меньшинств, которые не вступают с ними в противоречие;

— какие элементы принадлежат к какой сфере — единства или различия — в большинстве наиболее важных случаев легко решить демократическим путем.

Реализацию этих четырёх принципов может обеспечить соглашение на межгосударственном уровне (ООН и ЮНЕСКО) о системе основополагающих документов, определяющих базовые ценности общечеловеческого характера.

При этом права должны уравниваться ответственностью, а во главу угла международного права должно быть положено сохранение культурного и этнического разнообразия. Реализация последнего затрагивает вопрос культурной идентичности и требует актуализации в общественном сознании дополнительного виртуального пространства — системы этнокультурных миров.

Что я понимаю под этим? Прежде всего несколько слов о пространственно-временных координатах этнокультурного мира. Его пространство — это виртуальное пространство, объединяющее всех людей, идентифицирующих себя с языком и культурой базового этноса. Временные координаты охватывают всю историческую перспективу: от первых проявлений культурной активности этноса — до сегодняшнего дня.

Из самого термина ясно, что этнокультурный мир базируется на двух ключевых компонентах: этническом ядре и его культурной оболочке. Отсутствие этнического ядра, подмена его полиэтническими структурами кардинально меняет ситуацию, переводя её в русло политических и социальных отношений. Как справедливо отмечал Лев Николаевич Гумилёв: «Объединиться в этнос нельзя, так как принадлежность к тому или другому этносу воспринимается самим субъектом непосредственно, а окружающими констатируется как факт, не подлежащий сомнению».

Снятию напряжённости в этнических и национальных конфликтах может способствовать, по нашему мнению, принцип «гражданства на основе культурной идентичности», тесно связанный с пониманием этнокультурного мира как виртуальной сетевой структуры.

В такой трактовке этнокультурные миры будущего, сохраняя свою внутреннюю идентичность, будут базироваться на транснациональных связях обществ и отдельных индивидуумов, чётко позиционирующих себя относительно культурной идентичности.

Этнокультурные миры сетевого характера могут свободно пересекаться и накладываться друг на друга, расширяться и сужаться, не требуя

изменения существующих геополитических границ, в то же время позволяя этносу и отдельному индивидууму не утрачивать своей культурной идентичности. Устранение беспокойства относительно будущего своей культуры, своего этноса может и должно положительно сказаться на стабильности всего нашего мира.

Закончу всё же на тревожной ноте...

Организация Объединённых Наций провозгласила 2010 год Международным годом биоразнообразия. Этнические ядра этнокультурных миров, на мой взгляд, являются значимой частью биологического разнообразия Земли. Казалось бы, проблемам сохранения культуры малых народов уделяется достаточно внимания. Однако процессы глобализации несут угрозу не только сохранности малых этносов. Настало время задуматься о сохранении культуры и этнических ядер таких этнокультурных миров, как французский, английский, русский. Отсутствие живого этнического ядра превращает культуру в мёртвый музейный экспонат.

В том виртуальном мире, где иной
ход времени. Где прошлое
обманом тебя сбивает с толку,
где туманом укрыто зеркало,
где маску от лица не отделить
до самого конца, который
никогда не наступает...

В том виртуальном... или... Нет!
В ином. В том, где с тобой
сегодня мы живём и где
друг друга мы не понимаем.

То кальку принимая за пейзаж,
то кровью подправляя макияж,
то называя ненависть — свободой.

Поверь, мой друг, история права,
глотающая непонятные слова, она
эпохи суть определяет.

А мы, стараясь приукрасить фон,
вывешиваем флаги на фронтон
и в памяти прошедшее меняем.

Мария. Коллаж Аллы Ивашинцевой. 2010 г.

ВЗМАХ КРЫЛА...

Цикл стихотворений

Из первородной тишины пространства
мы черпаем и образы, и строки...
Поверишь ли, наш диалог опасен,
как этот мир холодный и жестокий.

Но в том загадка смерти и рожденья,
что поменять местами их не в силах,
способны мы мечтою смерть украсить,
а жизнь наполнить скорбью и бессильем.

Протяжённость любви не имеет границ.
Так проходят века над заснувшей страной.
Здесь восход и закат как два брата лежат
у последней черты. У последней черты.

От холодных ладоней не веет теплом.
Пересуды колёс, полустанки судьбы...
У последней черты остановят вагон.
— В этом месте тебе выходить. Выходи!

Для чего нам слова, если молча текут
полноводные реки сквозь талые сны...
Если камни веками безмолвно лежат
под застиранной синью простынь.

Ни прощанья, ни встречи. Мгновенна любовь
и бессильны слова. Не для сердца они!
Если б можно — как звёздам сгорать до утра...
До утраты друг друга. До слова — Прости.

спускайся по лестнице
там
за оградой из камня
по мокрому снегу весна пробежала украдкой
и утро следы её бережно носит в ладонях
а ты остаёшься один
ты столетьем не понят
как некогда Аполлинер был не понят любимой
но ритмы его ты сегодня не можешь отринуть
изломан асфальт
перепадами света и тени
безумия птица садится тебе на колени
пусть так но как мёртвое тело всплывает разбухнув
ты вынырнешь ночью в пустом искривлённом проулке
и будешь брести нараспев повторяя молитвы
их поступь тревожна
а поступь твоя деловита
но где перекрёсток
где связь настоящего с прошлым
весна твои песни последним снежком запорошит
и мост словно птица коснувшись пожухшего снега
зависнет на миг на вершине
..... разбега

В том пространстве, где Я растворяется в ТЫ,
где язык прорастает из ткани веков,
обращения не требуй. В пригоршне воды
свет и тень сочетаются крепче оков.

В том пространстве, где звёзды свой призрачный свет
дарят каждой травинке... ручью... ветерку...
Где рождение и смерть подписали обет,
приоткрытый душе, но не ясный уму.

Мы с тобой образуем незримую ткань
полуправды и правды, догадок и снов,
Заключая всё это в кристалл языка,
Понимая друг друга без жестов, без слов.

Всё, что было мною,
 стало прошлым...
 Словно снег подтаявший весенний,
 исчезаю, оставляя солнцу
 тысячи блестящих отражений.

Что ж тебе оставляю на прощанье?
 Может быть стихи...
 в них столько грусти.
 Пусть они тебя не опечалят
 и на волю, без меня, отпустят.

Так остро чувствовать
 не каждому дано,
 когда почти затворено окно
 и воздуха осталось на полвздоха.
 Пусть горизонт зачёркивает даль.
 Леса и небо... Сказочный Грааль
 с трудом вмещает псковские просторы.

Поделится и хлебом, и вином,
 и летним днём, который проживём
 с тобою мы без суеты и вздора.

Этой ночи узлы развязать не умея,
 мы искали друг друга, от страсти немея.
 Наши руки томились от ласки и лени,
 обнажая желание разъятых коленей.

Так весной набухают цветочные почки,
 так вода проникает в проталины почвы,
 так свивают гнездо легкокрылые птицы...
 Так бывает во сне, если счастье приснится.

Когда настанет миг разлуки,
и будем подводить черту,
хочу, чтоб рук касались руки,
как мост, влекущий в пустоту.

На том мосту не раз стояли,
с тревогой вглядываясь вниз.
И сердце на краю печали
шептало мне: — Не закружись...

Не закружись листом осенним,
не припадай лицом к земле...
Её холодною купелью
ещё надышишься вполне.

Ещё душа не отыскала
Того, кто скорбь твою простит,
и свет слепящий превратит
в небесный свод —
начал начало.

Шаг в невозможное возможен,
когда за окнами весна,
и почки, вынырнув из сна,
вдыхают утро осторожно.

И напрягает мышцы кот,
забыв привычную истому.
Замыслил он побег из дома,
чтобы продлить кошачий род.

Но что для нас с тобою страсть??
В какое чудо нужно верить,
чтоб сердце вновь любви доверить
и ненароком потерять?..

Это озеро тебя в себя впускает,
будто ты его частица или рыба.
Это озеро тебя не отпускает
из любви своей, из сказки и из мифа.

Полдень входит осторожно в беломшанник.
Сосен хмель душист, тягуч, но тянет гарью.
...Так гитара перебор романса нежный
наполняет и тревогой и печалью.

Реальность. В чём она?
Так трудно постижение простого. Вслушайтесь:
звук колокола — звоннн,
а звук души моей — ослепший шорох шор,
и влажной тишины за окнами скольжение.

И осени моей возлюбленной глаза
пустые, как лачуг раздавленные стёкла,
в чьих колотых краях звучала бирюза,
покуда в блёклой бязи не размокла.

И осени моей... Как трудно пережить
открытие себя в речитативе чьём-то...
Нам кажется немыслимым умолкнуть
и новой роли больше не учить.

Когда взлетают журавли,
так странно ощутить тревогу,
найдут ли торную дорогу,
там... за пределами земли.

Там, где кончается покос,
где тень от леса стала гуще.
Там, где их крик на грани слёз
быть эхом гаснувшим отпущен.

Отпущен. Значит быть тому,
что нас лишает равновесья.
В губах молитва или песня,
и взмах крыла...
туда... во тьму...

На том мосту, где тишина грустит,
где листья проплывают молчаливо,
стоим и ждём отлива ли... прилива...
дыханье снов и судеб затаив.

На том мосту — пластическое «чрез»
подсказывает исподволь движение,
в котором срез надежды и сомненья,
и струй холодных маслянистый блеск.

На том мосту, где волн неспешных плеск
прощает нам и суетность, и малость,
нам кажется — ничто не завершалось,
и горизонту не замкнуть небес.

Мне кажется, я знаю, что сказать,
но пустота заполнила тетрадь.
Так ночь переполняет небосвод,
когда заря вечерняя умрёт.

Известно всем: всё сказанное —
ложь. Но темноту пронзает света нож,
и звёздный путь для сердца всё ясней,
как детская улыбка в полусне.

Е. А. Ивашинцова. Ленинград, 1941 г.